

ВОЙНА ОТНЯЛА У НИХ ЛЮБОВЬ.
НО НЕ СМОГЛА ОТНЯТЬ НАДЕЖДУ

Британка Руби мечтает найти могилу мужа, пропавшего без вести, покаяться в совершенном грехе и обрести мир в своей душе.

Элис, оставив благополучную жизнь в Вашингтоне, мчится в Европу, потому что уверена: ее брат Сэм жив и скрывается под вымышленным именем.

Немка Марта рискнула всем, чтобы поехать в Бельгию. Она отлично понимает, как встретят ее бывшие враги. Но где-то в бельгийской земле лежит ее старший сын, и она обязана найти его могилу...

Три женщины объединятся, чтобы узнать правду о мужчинах, которых они так любили.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6074-0

9 786171 260740

ЛИЗ ТРЕНАУ

В любви и на войне

ЛИЗ ТРЕНАУ

*В любви
и на войне*

LIZ TRENOW

*In Love
and War*

A NOVEL

ЛИЗ ТРЕНАУ

*В любви
и на войне*

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Т66

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии
“Hardman and Swainson” и “The Van Lear Agency LLC”

Переведено по изданию:
Trenow L. In Love And War : A novel / Liz Trenow. —
London : Pan Books, 2018. — 368 p.

Перевод с английского *Оксаны Благиной*

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-6074-0
ISBN 978-1-5098-2508-0 (англ.)

© Liz Trenow, 2018
© DepositPhotos.com / Al-
terPhoto, обложка, 2019
© Hemiro Ltd, издание на
русском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», пе-
ревод и художественное
оформление, 2019

Лиз Тренау — бывшая журналистка, пятнадцать лет писала статьи для местных и национальных газет, репортажи для радио BBC и телевизионных новостей, а потом попробовала себя в художественной литературе. «В любви и на войне» — ее пятый роман. Писательница со своим мужем-художником живет в Восточной Англии. У супружеской пары две взрослые дочери и двое прекрасных внуков.

Эта книга посвящается памяти лейтенанта Джеффри Фово Тренау из лондонской стрелковой бригады, получившего Военный крест за храбрость и погибшего во Фландрии в сентябре 1917 года. Его тело не было найдено.

*О том, какие исторические события
вдохновили автора на создание
романа «В любви и на войне»*

Сюжет романа «В любви и на войне» полностью вымышленный, но в его основу легли реальные события, происходившие с реальными людьми на местах боевых сражений.

Битвы, проходившие во Фландрии в Первой мировой войне, оставили после себя сотни тысяч погибших, опустошенные земли, разрушенные до основания деревни и руины городов. Однако уже через несколько месяцев после подписания договора о прекращении военных операций, в ноябре 1918 года, тысячи туристов посетили район боевых действий в рамках «экскурсий по полям сражений», организованных церковными группами и такими компаниями, как «Томас Кук». В близлежащих городках спешно возобновляли работу гостиницы, из печати столь же экстренно выходили путеводители.

Подобные туры вызывали массу споров: некоторые считали их отвратительной демонстрацией неуважения к погибшим. Но с другой стороны, легко понять отчаянное желание семей павших воинов узнать, где погибли их близкие и где покоятся их тела. Даже сегодня, сто лет спустя, разыскивают останки тех, кто значились «пропавшими без вести, предполагаемо погибшими», чтобы похоронить их надлежащим образом. Дядя моего мужа, которому посвящена эта книга, до сих пор считается «пропавшим без вести, предположительно погибшим»,

и единственное упоминание о его самоотверженности и отваге — надпись, которую мы обнаружили на Мененских воротах в Ипре.

Всего в нескольких километрах от Ипра расположен небольшой городок Поперинге, который в те годы оказался в прифронтальной зоне и где располагался штаб командования союзных войск этого района. Именно здесь армейский капеллан, преподобный Филипп (Табби) Клейтон создал свой «Клуб обывателей», где могли отдыхать, восстанавливать силы и развлекаться все солдаты, независимо от ранга. Благодаря работе ассоциации «Тэлбот-хаус» это здание было вновь открыто для посетителей, и его экспозиция проливает свет на жизнь солдат в той страшной войне. Подробнее вы можете узнать об этом на www.talbothouse.be.

Работу Табби Клейтона продолжает международная благотворительная организация «Тэлбот-хаус» (ТоС Н), которая все усилия направляет на поддержание мира и укрепление дружеских отношений между людьми, стоящими на разных позициях, путем коллективной и индивидуальной деятельности своих членов, считая своей главной задачей — не допустить раскола в обществе. Узнайте больше на www.toch-uk.org.uk.

Перед кафе на центральной площади в Поперинге находится статуя, установленная в память о Джинджер, младшей дочери владельцев кафе, которая в годы Первой мировой войны стала чем-то вроде знаменитости среди военных за свою чрезвычайную стойкость и оптимизм. И она, и Табби Клейтон — реальные персонажи в романе, как и организация «Тэлбот-хаус». Однако городок Хоппештадт, отель, его гости и постояльцы, а также все события романа являются плодом моего воображения и не имеют никакого отношения к реальным людям, как к живым, так и умершим.

Выражение благодарности

Эта книга не увидела бы света без дельных советов моих редакторов издательства «Пан Макмиллан», Кэтрин Ричардс и Каролины Хогг, а также моего агента Каролины Хардман из литературного агентства «Хардман и Свейнсон».

Тема тяжелых невосполнимых утрат и поисков примирения — нелегкие вопросы, с которыми приходилось сталкиваться каждый день работы над романом, — постоянно напоминала мне, насколько нужно быть благодарными, что мы живем в относительно мирное время, когда нашим родным и близким не нужно ежечасно рисковать жизнью, защищая нас. Огромное спасибо и вам, Дэвид, Бекки и Полли Тренау, и моим друзьям за неизменную поддержку и помощь.

И наконец, не менее важное: я благодарю Джона Хэмилла, нашего собственного гида по полям былых сражений, который помог нам понять весь масштаб и всю глубину трагических событий, развернувшихся во Фландрии столет назад.

Если вы хотите узнать больше о том, как я писала свой роман «В любви и на войне», зайдите на страницу www.liztrenow.com. Вы также можете подписаться на мои страницы на [Facebook.com/liztrenow](https://www.facebook.com/liztrenow) и в [Twitter @LizTrenow](https://twitter.com/LizTrenow).

Вот ты стоишь у дорогих могил,
У деревушки, где погиб твой сын...
Великою ценой ты победил —
Гордись, но помни: он тут не один.

Дрались как звери — яростней зверей.
Вскипала ненависть — слепое торжество.
Но вспомни безутешных матерей
Солдат, убивших сына твоего!

Зигфрид Сассун. Примирение. 1918

Письма в редакцию

Газета «Таймс», июнь 1919 года

Господа!

Я хочу выразить свои возмущение и отвращение, с которыми прочитал в вашей газете большое рекламное объявление одной весьма авторитетной туристической компании, предлагающей «туры по полям сражений», пятидневные поездки в город Ипр и на берега реки Соммы, протекающей по территории Бельгии и Северной Франции.

Уже на следующий день вы напечатали статью на ту же тему, в которой было указано, что несколько тысяч туристов уже побывали на экскурсиях, предоставленных этой компанией и другими агентствами. Заметка сопровождалась фотографиями, на которых была изображена группа дам, устроивших пикник у поля битвы, о чем свидетельствовала специальная табличка.

Неужели я один нахожу совершенно отвратительным тот факт, что эти священные места, на которых так много наших отважных соотечественников отдали свои жизни за короля и Отечество, теперь осквернены призраком коммерческого туризма?

С уважением,

ваш читатель

Господа!

Ваш респондент пишет, что он глубоко потрясен мыслью об «оскверненных призраком коммерческого туризма»

полях битв на Сомме. Только что вернувшись после такого тура, я обязан категорически возразить этому утверждению. Наша поездка имела совсем иной характер. Мы с женой совершили это паломничество с величайшей скорбью и с единственной целью почтить память двух наших сыновей, которые погибли в этой войне. И посещение мест, где погибли наши дети, принесло нам огромное утешение.

Кроме того, туристы, подобные нам, приносят в эти районы ощутимый, чрезвычайно важный доход, помогая тем самым выполнить невообразимую по трудности задачу, стоящую перед этими регионами, — задачу восстановления их городов и деревень, которые разрушила война.

Жертва, которую понесли наши отважные соотечественники, никогда не должна быть забыта. Мы считаем, что экскурсии по полям сражений — это способ напомнить всем, как важно стремиться к миру во всем мире и через десять лет, и через столетия.

С уважением,

ваш читатель

Глава 1

Руби

Июль, 1919

Это было похоже на какой-то очень странный сон: она стояла здесь, на палубе парохода, над головой — голубое небо и солнце, отражавшееся от поверхности моря бесчисленной бриллиантовой россыпью. Справа от нее — серые покрытые шифером крыши маленького городка, как-то виновато прижавшегося к подножию этих величественных утесов, — она никак не ожидала, что скалы окажутся такими высокими и такими ослепительно-белыми.

Как-то не верилось, что она впервые в жизни вот-вот покинет берега Англии. Она вовсе не искала и, уж конечно, не желала подобного приключения. С какой стати ей пересекать эту ненадежную полоску воды, этот Ла-Манш, чтобы повидать страну, которую совсем недавно целых четыре года буквально разрывали на части ужасающие трагические события? Ей всего двадцать один год, и она считала, что в ее короткой жизни и так было более чем достаточно трагизма. К чему еще какая-то новая опасность, новая сердечная боль? Нет уж, избавьте!

Теперь, когда наступил мир, единственное, чего ей хотелось, — жить спокойной, упорядоченной жизнью и в память о своем любимом работать, пытаясь искренне поддерживать тех, кто, как и она сама, скорбит о погибших близких. Боже, боже, как же их много таких! Трагедия

не обошла стороной ни одну семью. Но теперь она будет держать эмоции в узде и никому больше не позволит разбить ей сердце. «Это лучшее, что я могу сделать, — писала она в своем дневнике, — единственное, что я могу сделать теперь, когда он отдал свою жизнь за наше будущее, за то, чтобы спасти нас от этих гуннов. Что еще мы можем сделать, чтобы все это имело какой-то смысл?»

Когда однажды в начале июня, после того как подали чай, его родители усадили ее в одно из своих мягких кресел и торжественно вручили брошюру компании «Томас Кук», она сначала подумала, что это какая-то шутка.

«Туры по полям сражений в Бельгии и Франции», — прочла она вслух. Кому захочется ехать и глазеть на такое?..

Она заметила, как вздрогнула Айви, и слова застыли у нее на губах. Ее свекровь была слабой, хрупкой, как хрустальная ваза, и она не могла смириться с тем, что ее единственный сын мертв. С тех пор как Руби узнала эту семью — а это казалось целой вечностью, — Айви никогда не проявляла общительности и отличалась слабым здоровьем.

Когда Руби только начала с ним встречаться, ей показалось довольно странным, что он редко приглашает ее к себе домой. «Маме немного нездоровится», — обычно говорил он. Или: «Она жалуется, что я ей мешаю». Сейчас же от Айви и вовсе осталась только тень. От недостатка свежего воздуха она была бледная как привидение. Почти все время она проводила в постели или просто не выходила из своей спальни.

* * *

Руби и Берти познакомились в школе и были друзьями до тех пор, пока однажды, когда они вместе возвращались домой, он украдкой не взял ее за руку. Они не остано-

лись, не произнесли ни слова — просто продолжали идти молча. Но тепло его прикосновения электрическим рядом пробежало по ее руке до самого плеча, и она отчетливо поняла, что останется с этим мальчиком на всю жизнь. «Я люблю Берти Бартона!» — написала она в тот же вечер в своем дневнике и обвела эти слова кривоватым кругом из сердечек, нарисовав их красным карандашом. Она писала это снова и снова на своем пенале, в школьной тетрадке, на списке покупок, на внутренней стороне запястья. Никто никогда не сомневался, что Руби любит Берти, а он — ее.

А вскоре после этого случилась трагедия. На ее отца, бригадира в компании по строительству лодок в их маленьком городке графства Суффолк, рухнул корабельный двигатель, сорвавшийся с подъемного крана. Отец погиб мгновенно. Последующие несколько дней девочка помнила плохо. Матери рядом с ней не было — та была так опустошена, так поглощена своим горем, что у нее не хватало сил утешать Руби.

Все, что она сейчас помнила, — это то, что Берти всегда был рядом с ней, обнимал ее, когда она плакала, бесконечно заваривал чай с большим количеством сахара, выводил ее на прогулки, чтобы отвлечь ее своими историями о природе: какая птица и какую песню пела; в каких местах предпочитают расти те или иные цветы и как их цветение точно совпадает по времени с появлением определенных насекомых; какие норы в земле роют барсук, лиса или кролик. В ее представлении он почти в одночасье превратился из подростка-школяра в настоящего мужчину.

От дружеских похлопываний по плечу и прогулок за ручку они вскоре перешли к несмелым поцелуям, жарким тайным объятиям за садовым сараем, и вскоре он признался ей в любви. Однажды, когда они сидели дома

одни, он опустился на одно колено и преподнес ей обручальное кольцо с бриллиантом, на покупку которого, как виновато признался сам Берти, ему одолжил денег отец.

Ее Берти стал для нее целым миром. Она никогда не смотрела на других парней и была уверена, что никогда и не взглянет. Он тоже утверждал, что она была единственной девушкой для него на веки вечные. «Берти и Руби, навсегда!» — писала она огромными буквами на свежей странице в своем дневнике, окружая слова еще большим количеством сердечек.

Они идеально подходили во всех отношениях: физически очень похожие, оба с вьющимися темно-русыми волосами и веснушчатой кожей — не слишком красивые, но и не уродливые, просто «нормальные», как он любил говорить. Подходящая пара нормальных людей. Он говорил, что ее карие глаза были как имбирное вино; она же утверждала, что его глаза цветом больше напоминают лесной орех. Они оба любили танцевать, гулять, а по вечерам рассказывать всякие глупые истории и играть в карты в пабе в компании близких друзей. И конечно, они собирались жить долго и счастливо. Ей и представить было трудно, что все может обернуться иначе.

Когда на городской доске объявлений развесили уведомления о наборе добровольцев, она умоляла его не идти в армию. Но потом ситуация стала серьезнее, все молодые люди пошли на фронт, и она заставила его пообещать, что он вернется к ней живым и здоровым. Верный своему слову, он дважды возвращался в отпуск после учений. Он изменился: казалось, он вырос на несколько сантиметров и, безусловно, стал сильнее физически, у него налились мышцы, которых она никогда прежде не замечала. Берти-шутник исчез; он стал более серьезным и вдумчивым и изо всех сил старался как

можно активнее общаться с окружающими. В помещении он ощущал беспокойство и дискомфорт.

Казалось, он расслаблялся, только когда они с Руби гуляли по лесам и полям. И все же, как бы осторожно она ни задавала свои вопросы, он по-прежнему отказывался говорить о том, чем занимался все это время. Только в самый последний момент он проговорился, что это его последний отпуск в ближайшем будущем: их куда-то надолго отправляют. Он не сказал, куда именно.

Они поженились в понедельник, накануне его отъезда, в местном муниципалитете, церемония вышла спешной, скомканной. Ее мать всю жизнь откладывала деньги на этот случай, и, когда увидела дочь в свадебном платье, разрыдалась. «Война или не война, а у вас будет день, который вы запомните на всю свою жизнь!» — сказала она.

Какой это выдался день! Яркое солнышко, пушистые белые облака, повсюду — улыбки друзей. И такая радость переполняла все ее естество, что казалось, еще чуть-чуть, и она лопнет. А те две ночи в отеле «Милл» — их «медовый месяц» — были самыми счастливыми в ее жизни. Хотя вначале они отчаянно смущались друг друга, она открыла в себе новый мир страсти, невыразимого блаженства, которое как будто ждало своего часа все ее детские годы. Теперь она чувствовала всю полноту жизни.

Днем они гуляли по заливным лугам, останавливались и наблюдали за странными коричневыми рыбинами, тонно плывущими против течения реки, или слушали песни жаворонка над головой, а однажды даже заметили, как среди ветвей синей вспышкой мелькнул зимородок.

— Хочется, чтобы это никогда не заканчивалось, — вздохнула она, чувствуя, как от радости кружится голова. — Пожалуйста, не покидай меня, Берти. Я жить без тебя не могу.

— Я скоро вернусь, обещаю, — сказал он, и она поверила.

Когда он ушел, Руби запретила себе переживать. Она решила быть сильной и не унывать. В конце концов, именно об этом он ее просил. Он выполнял свой долг перед королем и страной и поклялся, положив руку на сердце, что будет избегать опасности. Конечно, она скупала по нему, конечно, каждый вечер засыпала в слезах. Но она верила, что скоро он вернется домой, это неизбежно — Берти никогда не нарушал своих обещаний.

Поэтому, когда пять месяцев спустя она получила телеграмму, а потом стандартный армейский формуляр Б104-83, датированный сентябрем 1917 года, гласивший: «С прискорбием сообщаем вам, что ваш муж, Альберт Бартон, пропал без вести в битве при Пашендейле», — она убедилась, что с ним просто временно нельзя связаться. Поспешно возведя воображаемую стену вокруг сердца, Руби не позволяла себе думать о другом исходе. «Берти обещал вернуться домой целым и невредимым, а он всегда держит свои обещания», — писала она. Он очень скоро появится. Она буквально слышала, как он говорит офицеру: «Я просто покурить выходил, господин офицер. Вы по мне не соскучились?» В школе ему часто попадало за дерзость.

Она сохраняла спокойствие и продолжала работать, как призывали правительственные плакаты. Каждый день заставляла себя тщательно одеваться, съесть то, что так заботливо готовила для нее мать, хоть вся еда для нее сейчас на вкус была как картон. По дороге на работу она механически кивала знакомым прохожим, обменивалась ничем не значащими вежливыми замечаниями о погоде. Добравшись до рабочего места, она, как всегда, прилежно выполняла свои обязанности, улыбка, как приклеенная, не сходила с ее лица, и она надеялась, что ни коллеги, ни клиенты не спросят ее о муже.

Тем не менее слухи, разумеется, поползли. В конце концов, он был сыном хозяина «Хоупгудз», магазина женской и мужской одежды на центральной улице, где она работала в отделе галантерейных товаров. После первой волны выражений сочувствия коллеги научились не упоминать его имени. Такого рода новости стали почти обычным явлением.

Но шли месяцы, а известий все не было. Защитная стена Руби дала трещину и постепенно начала разрушаться. Молодая женщина погружалась в бездну горя и вины, испытывая при этом почти физически ощутимую агонию, от которой не было спасения. Она словно оказалась на дне колодца, со всех сторон окруженная темнотой, и только где-то далеко вверху виднелся проблеск света, настолько высоко, что до него нельзя было дотянуться и не было никаких сил взобраться. Бывали дни, когда она чувствовала, что просто не может так дальше жить, и, прогуливаясь вдоль реки, представляла себе, как, пробираясь через вязкий ил, отдается на волю холодного, бессердечного течения. Но она так и не набралась смелости. Ее мать-вдова, все еще не отойдя от собственной утраты, случившейся всего несколько лет назад, как могла старалась утешить дочь. Но ничто не облегчало боль.

Постепенно друзья Руби один за другим отстранились от нее, сталкиваясь с постоянными ее отказами встречаться с ними в их когда-то тесной компании, и вскоре вообще прекратили приглашать ее или даже звонить. Она перестала вести дневник, потому что не могла придумать, о чем писать. Чувствовала себя пустой оболочкой, раковиной, выбеленной солнцем и соленой водой, вроде тех, которые можно найти на пляже. Трудно представить, что когда-то внутри нее скрывался живой организм. Руби уже не помнила, когда в последний раз смеялась.

Но как она могла жить иначе? Без Берти она словно лишилась половины себя. Она не чувствовала себя живой. Она не испытывала никакого удовольствия от всего, что нравилось им делать вместе: ходить в паб, в кино. На танцы или на прогулки в лес. Она носила только черные или угольно-серые платья. Берти принес величайшую жертву, рассуждала она. Как по-другому она могла почтить его память? Если она будет носить что-то светлое, казалось ей, она оскорбит память мужа. «Так будет продолжаться всю мою жизнь до самой смерти. Только так и должно быть».

Регулярные визиты к его родителям только обостряли их совместное переживание утраты и общее горе. При виде того, как убивается его мать и как стоически страдает отец, у Руби разрывалось сердце. Она выходила от них измученная, как будто дополнительно взваливала на свои плечи бремя и их потери. Покидая их слишком жаркий и душный дом, она запрокидывала голову вверх и жадно глубоко дышала, словно пытаясь черпать силы из свежего воздуха. Шаг за шагом, говорила она себе, день за днем. Скоро станет легче.

Однако легче не становилось. Горе было по-прежнему таким невыносимым, что иногда перехватывало дух и на работе приходилось прятаться в дамской комнате, до тех пор пока ей не удавалось справиться с собой. Со временем ей удалось научиться делать вид, что все в порядке, день ото дня она набиралась опыта в том, как предстать перед миром с открытым лицом. Сначала эта маска была очень непрочной, настолько хрупкой, что грозила разлететься на куски при малейшем неосторожном слове или воспоминании. Но прошли дни, а затем недели и месяцы, и маскировка стала прочнее. И вот теперь, спустя два года, ее личина стала почти естественным выраже-

нием ее настоящего «я». В действительности же Руби уже не была уверена, кто она на самом деле.

Однако она точно знала, что никогда не предаст память мужа. Как это случилось однажды, словно в приступе безумия, с женщиной, которого она ни прежде, ни после ни разу не видела. Но саднящее чувство вины обжигало ее сердце болью, которая, как она чувствовала, никогда не утихнет.

* * *

Она рассматривала визиты к родственникам мужа два раза в неделю как свой долг перед Берти, долг, который она готова нести всю оставшуюся жизнь. В конце концов, она все еще была его женой и навсегда ею останется. Мистер и миссис Бартон часто называли ее «нашей дочерью». Кто у них еще остался теперь, когда его не стало?

Но разговаривать с ними всегда было трудно. Айви казалась хрупкой как тростинка, как пуховая головка чертополоха, которую может сдуть одно неосторожное движение. Альберт-старший — неизменно угрюмый и необщительный, но, по крайней мере, он был тверд и предсказуем. Однако она никогда не могла даже представить себе подобную ситуацию: эту брошюрку «Томаса Кука» и это выражение ожидания на их лицах — такое торжественное и печальное.

— У нас есть хорошие друзья, которые ездили в один из таких туров, — сказал свекор, и она чуть расслабилась. Возможно, брошюра была просто предлогом для разговора. — Они рекомендовали его нам. Понимаешь, они нашли могилу своего сына. Сказали, что это было очень трудно, но принесло им огромное утешение.

— Вы рассматриваете эту поездку для себя? — спросила она.

— Мы думали об этом, но... — Он слегка качнул головой в сторону жены, которая молча вытирала глаза кружевным платочком. — Мы подумали, — он замолчал на мгновение, — может быть, ты съездишь от нашего имени?..

«Они спятели, — подумала Руби. — Чтобы я одна путешествовала по полям сражений?! Бродила по окопам, искала его останки вместе с толпой праздных туристов? Это не просто безумие, это весьма неприятно».

— Чтобы отдать дань уважения как член семьи, — продолжал Альберт. — Поскольку у него нет могилы, как ты знаешь.

О, она прекрасно это знала. Тело Берти так и не нашли. И это было тяжелее всего: не знать, как он погиб, не представлять, где он лежит. Ей все еще снились кошмары, навеянные фотографиями в «Иллюстрированных лондонских новостях», на которые она могла смотреть только краем глаза. Она представляла, как его тело, переплетенное с другими телами, гниет в грязной развороченной воронке где-то под Ипром. Она снова вернулась к брошюре, но предложения расплывались у нее перед глазами. Она любила Берти, конечно, любила. Но это — уже слишком. Просто невыносимо видеть собственными глазами то ужасное место!

— Моя дорогая! — окликнул ее Альберт. — Ты ведь согласишься?

— Я, право, не думаю, что я... — начала она, но тут же замолчала, не в силах подобрать нужные слова. Ну не могут же они, в самом деле, просить ее поехать одной в эти жуткие места?

— Ты же слышала эти сообщения, верно? — прошептала Айви в повисшей тишине.

Знакомый рефрен. В течение нескольких месяцев после объявления мира, почти в каждое посещение дома

Бартонов, ей демонстрировали вырезку из газеты: фотографии солдат, которым чудом удалось вернуться. Они были похожи на скелеты, но все же выжили. Им удавалось сбежать из лагерей для военнопленных, пройти сотни миль из самой Германии. Другие прятались по лесам Фландрии многие месяцы или даже годы, боялись, что дома их обвинят в дезертирстве. Потом ее втягивали в рассуждения о том, что могло случиться с Берти, — возможно, его взяли в плен или просто ранили. Может, ему помогла какая-нибудь бельгийская семья, которая до сих пор заботится о его безопасности. И, быть может, однажды он сможет вернуться домой.

И хотя она знала, что это было крайне маловероятно, после таких разговоров ей иногда снилось, как из дыма битвы к ней выходит какой-то простоволосый человек в разорванном мундире, с почерневшим от копоти лицом. И вдруг это лицо расплывается в знакомой, любимой улыбке, и она, ошеломленно ахнув, кидается к нему.

Она просыпалась, плакала, смотрела сквозь щель в шторах, как всходит солнце, слушала, как птицы распеваются, готовясь к утреннему хоровому выступлению: сначала лишь несмелый, невнятный щебет, потом трель одинокого черного дрозда, а затем все остальные в полный голос присоединялись к шумной оратории. За окном был все тот же жестокий мир, она по-прежнему в нем одна, а он — мертв. Единственный способ выжить — запереть сердце на замок.

К середине 1919 года сообщений о чудесных возвращениях стало поступать все меньше и меньше, и наконец, к облегчению Руби, они совсем иссякли. Ну вот теперь, надеялась Руби, Айви наконец смирится с тем, что ее сын никогда не вернется домой.

Но нет. Тетя Фло, родная тетка Берти, несколько месяцев назад ходила на сеанс к медиуму и спрашивала

о племяннике. Медиум вещал какие-то банальности — это по словам Руби, а не тетушки Фло — о том, что Берти всегда будет с ними, и это было истолковано — неверно, по мнению Руби, — как указание, что каким-то образом он все еще на этом свете. Он был ранен, видимо, но сейчас выздоравливал в госпитале. Руби не верила ни слову. Если бы он был в госпитале, к этому времени они бы уже об этом услышали.

— Мы подумали, что, возможно, ты сможешь найти его, — пробормотала Айви, наклоняясь вперед и хватая Руби за руку. — Это так много значит для меня, дорогая. У меня просто нет сил жить дальше, не зная, жив ли он. Или, по крайней мере, я буду знать, где он покоится.

Это была нелепая идея, и Руби ни в коем случае не собиралась соглашаться ехать во Фландрию одна. Она непременно должна будет найти какой-то способ отказаться — мягко, чтобы не расстроить их еще больше. Пока же, притворившись заинтересованной, она пролистала брошюру.

— Это на четырнадцатой странице, тур, который, по нашему мнению, правильное всего выбрать, — Альберт наклонился, помогая ей найти нужную страницу. — Не слишком дорого, и хватит времени прочувствовать атмосферу и посетить все те места, которые нужно посмотреть.

В проспекте говорилось:

Неделя в Остенде. С экскурсиями в Ипр и на бельгийские поля сражений. Отправление из Лондона каждый вторник, четверг и субботу. В стоимость входят: проездные билеты (вагон третьего класса железной дороги, каюта парохода второго класса); семь дней полного пансиона с питанием в кафе, включающем завтрак, обед и ужин; кровать в частном отеле; проезд в электрическом поезде

до Зебрюгге и Ньюпорта. Все экскурсии — в сопровождении компетентного гида-лектора.

Прилагался подробный ежедневный маршрут. Стоимость «путешествия вторым классом и отеля второго класса» была тринадцать гиней.

— Но это целое состояние! — воскликнула Руби. — А еще и дополнительные траты... — Девушка быстро подсчитала в уме нужную сумму — она примерно равнялась ее трехмесячной зарплате.

— Не волнуйся, дорогая, мы уже обо всем договорились. — Альберт, казалось, читал ее мысли. — Конечно, мы сами заплатим за тебя и выделим деньги на карманные расходы.

— Я никак не могу...

— Сегодня утром я заходил к твоей матери и поговорил с ней, — продолжил свекор. — Я посчитал правильным сообщить ей, о чем мы собираемся попросить тебя, и хотел ее успокоить во всех отношениях.

На мгновение Руби почувствовала себя преданной. Почему мама не упомянула об этом? Но потом она вспомнила, что пришла сюда сразу после работы и домой не заходила.

— Но я никогда не ездила за границу, тем более в одиночку, — возразила она. — Я не владею французским, или на каком там языке говорят во Фландрии.

Альберт-старший выпрямил спину, откинувшись на спинку кресла, и на его лице появилось строгое, задумчивое выражение.

— Мы понимаем, что просим тебя совершить для нас очень трудное дело, дорогая, — сказал он. — Но ты взрослая, ответственная молодая женщина, к тому же ты будешь в надежных руках. «Томас Кук» — очень уважаемая

компания. Ты будешь путешествовать в небольшой группе, и гид будет все время присматривать за тобой.

Она снова оторвалась от брошюры и встретила его взгляд, такой обеспокоенный, почти отчаянный. Только тогда она окончательно поняла, что он говорил совершенно серьезно. Ей вдруг стало не по себе, с трудом верилось в происходящее.

— Я связался с ними, чтобы во всем убедиться лично, — продолжал старик. — Я провожу тебя в Лондон, до вокзала Виктории, чтобы удостовериться, что тебя там встретит их представитель. Тебя там будут кормить, всячески опекать. Дорогая, — он наклонился так близко к Руби, что она почувствовала запах табака в его дыхании. — При иных обстоятельствах мы бы никогда не позволили тебе поехать туда. Ты нам слишком дорога.

— Можно мне подумать об этом несколько дней? — спросила она, с трудом выдавив улыбку. Она поговорит с матерью, убедит ту принять ее сторону, попросит отговорить их от этой безумной идеи.

— Конечно, моя милая, — Альберт встал со стула и взял ее за руку. Он впервые прикоснулся к невестке с того ужасного дня, когда пришла телеграмма, — тогда он обнял ее за плечи, утешая.

Он повернулся к Айви.

— Может, подогреешь чайник, дорогая? — После того как жена вышла из комнаты, он прошептал: — Я бы поехал с тобой, Руби, но ты же знаешь, она слишком слаба, чтобы оставаться одной целую неделю. И она отчаянно ждет каких-то новостей — хоть плохих, хоть хороших. Иначе она просто угаснет.

— Может, я останусь с Айви, а вы поедете вместо меня? — предложила она, с надеждой ожидая, что он на это ответит.

— Разумеется, я тоже это предлагал, но она настаивает, что не сможет обойтись без меня. Очевидно, я единственный, кто ее понимает. — Он запустил пальцы в редеющую шевелюру. Этот невольный жест на секунду выдал его раздражение и крайнюю усталость. Ведь ему приходилось нести тяжелое бремя.

Он доверительно склонился к Руби:

— К тому же мы подумали, дорогая моя девочка, что эта поездка и тебе принесет утешение. Наши друзья утверждают, что это очень уважаемая компания, молодой одинокой женщине ничего не будет угрожать. В их группе было несколько одиноких дам. Они лично представят нас своему гиду, бывшему армейскому майору, весьма достойному, по их словам, человеку.

Руби понимала, что это был эмоциональный шантаж, что ею манипулируют, но была не в силах сопротивляться.

— Ты кажешься такой сильной, и это так много значит для Айви, — продолжал свекор. — Ты ведь понимаешь, правда?

Но она вовсе не чувствовала в себе этой силы. Да, она могла держаться, день за днем выполняя привычные, обыденные действия. Но путешествовать одной в Бельгию? Ходить по полям сражений?

Его карие глаза, так похожие на глаза Берти, смотрели на нее с ласковой мольбой. Она не могла устоять перед этим взглядом и тогда, когда ее муж был жив, а сейчас ей казалось, что, откажись она выполнить просьбу его отца, это будет равносильно оскорблению памяти мужа, отрицанием самого факта его существования. Его родители в некотором роде возлагали на нее свои надежды, и меньше всего на свете она хотела причинить им еще больше страданий.

— Конечно, никто из нас никогда не оправится от случившегося. Но, возможно, если ты сможешь привезти что-то... — Альберт покачал головой, не находя слов. — Какую-то памятную вещь, не знаю... Может, открытку, цветок — что-нибудь! Это может облегчить ее душевную боль. Мы будем тебе очень благодарны.

— Когда это планируется? — спросила Руби. — Я обещала маме съездить куда-нибудь вместе с ней на несколько дней летом. Она хочет поехать к морю, тетя Мэй предложила остановиться в ее пляжном домике.

— Это будет всего неделя, и я подумал, что лучше всего в начале июля, когда море спокойное и переправа будет легкой. Я поговорю с миссис Т.

Она подумала, что нужно высказаться сейчас, до ухода, иначе они подумают, что она уже согласилась. Но именно в этот момент Айви вернулась из кухни с чайником, налила ей чаю и протянула чашку через стол с такой умоляющей улыбкой, что Руби не смогла заставить себя вымолвить хоть слово.

Тем же вечером она поговорила с матерью. Внезапно овдовев несколько лет назад, Мэри все же смогла начать новую жизнь: она занялась шитьем, чтобы заработать немного в дополнение к скромному доходу Руби. Она участвовала в работе женского института, пекла чудесные торты, обрабатывала огород, оставшийся после смерти супруга, научилась выращивать картофель, свеклу, бобы и салат, чтобы экономить на счетах за продукты.

За эти годы она стала для дочери лучшей подругой, наперсницей. Руби чувствовала, что мать — единственный человек, который действительно понимал, что она переживает, понимал ежедневную боль утраты.

— Я не хочу туда ехать, мама, — сказала она. — Мне это кажется просто отвратительным.

— Знаешь, они очень серьезно настроены, — Мэри протянула ей кружку какао. — Мистер Бартон заходил сегодня утром. Я торопилась на автобус, но он все равно сказал, зачем пришел. Айви убеждена, что Берти жив.

— Это все ее неутомная сестра, та самая, которая ходила к медиуму, — со вздохом произнесла Руби, осторожно отодвигая в сторонку молочную пенку тыльной стороной чайной ложки.

— Решение за тобой, родная. Я сказала ему, что решать только тебе.

— Если мне придется поехать, ты бы поехала со мной?

— Как мы можем себе это позволить?

— Мы могли бы попросить его заплатить еще и за тебя.

— Что ты, детка! Я не хочу, чтобы мы были им должны. И потом я не могу оставлять работу так надолго, мы ведь собираемся принять предложение тети Мэй и отдохнуть в ее пляжном домике.

— Мне страшно, мам. Я боюсь этой грязи, этих окопов и всего такого. Боюсь, что вдруг найду его могилу.

Мэри отставила в сторону свою кружку, наклонилась и похлопала дочь по плечу:

— Кто знает, милая, может, это поможет.

Руби не была в этом уверена, хотя ей уже начало казаться, что у нее нет другого выбора, нужно выполнить свой долг перед родителями Берти. Ей придется выставить перед собой воображаемый непроницаемый щит и скрепя сердце сосредоточиться на том, чтобы выжить.

С приближением даты отъезда бедняжка старалась не думать о предстоящем испытании, но никак не могла справиться с тошнотой, поднимавшейся в желудке от страха и волнения.

После свадьбы Руби устроилась на работу продавцом в «Хоупгудз». Альберт унаследовал бизнес от отца Айви, и Берти тоже там работал, «изучая ведение дел». Предполагалось, что он возьмет бразды правления в свои руки, когда отец уйдет на покой.

— Я просто не смогу сидеть дома и бить баклуши, когда ты уедешь во Францию, — как-то сказала она Берти. — Ты не будешь возражать, если я найду работу? Я должна чувствовать, что делаю что-то для победы.

Тогда он улыбнулся ей — улыбка, от которой у нее таяло сердце, осветила его лицо, в уголках глаз стали заметнее гусиные лапки морщинок. Он притянул ее к себе и поцеловал в лоб.

— Руби, дорогая, делай что хочешь. Когда я вернусь домой и у нас появятся малыши, тогда и сможешь сидеть дома и ничего не делать.

Она хотела устроиться автобусным кондуктором в Ипсвиче, но вакансий там не оказалось. Ей предложили работу на военном заводе, но мать воспротивилась этому.

— Это так опасно! Я не могу потерять еще и тебя, детка! Почему бы тебе не спросить у мистера Бартона, не найдется ли у него в магазине местечка для тебя?

Так что последние три года она работала в отделе галлантереи под руководством грозного менеджера Ады Тернер, вдовы, известной всем как миссис Т., которая была так предана своей работе, что казалось, у нее нет никаких иных интересов. Она никогда не говорила о семье, не рассказывала о том, где живет и чем занимается по выходным, но знала наизусть номер каждого из двухсот цветов нитей, знала, какая пряжа годится для тех или иных целей: для простой строчки, для толстого и грубо-

Літературно-художнє видання

ТРЕНАУ Лиз
У коханні й на війні

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *І. А. Кір'ятська*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 12.06.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Мініон». Ум. друк. арк. 20,16. Наклад 4000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ТРЕНАУ Лиз
В любви и на войне

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *И. А. Кирьятская*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 12.06.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Мініон». Усл. печ. л. 20,16. Тираж 4000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Британка Рубі мріє знайти могилу чоловіка, зниклого безвісти, покаятися у скоєному гріху та знайти мир у своїй душі.

Еліс, облишивши своє благополучне життя у Вашингтоні, мчить до Європи, тому що впевнена: її брат Сем живий та ховається під вигаданим ім'ям.

Німкена Марта ризикнула всім, щоб поїхати до Бельгії. Вона чудово розуміє, як зустрінуть її колишні вороги. Але десь у бельгійській землі лежить її старший син, і вона зобов'язана знайти його могилу...

Три жінки познайомляться, три різні долі поєднуються, щоб дізнатися правду про чоловіків, котрих вони так любили.

Тренау Л.

Т66 В любви и на войне : роман / Лиз Тренау ; пер. с англ. О. Благиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 384 с.

ISBN 978-617-12-6074-0

ISBN 978-1-5098-2508-0 (англ.)

Британка Руби мечтает найти могилу мужа, пропавшего без вести, покаяться в совершенном грехе и обрести мир в своей душе.

Элис, оставив свою благополучную жизнь в Вашингтоне, мчится в Европу, потому что уверена: ее брат Сэм жив и скрывается под вымышленным именем.

Немка Марта рискнула всем, чтобы поехать в Бельгию. Она отлично понимает, как встретят ее бывшие враги. Но где-то в бельгийской земле лежит ее старший сын, и она обязана найти его могилу...

Три женщины познакомятся, три разные судьбы соединятся, чтобы узнать правду о мужчинах, которых они так любили.

УДК 821.111